

Хилари
Мантел

Хилари
Мантел

*Убийство
Маргарет Тэтчер*

АСТ
МОСКВА

УДК 821.111-32
ББК 84(4Вел)-44
М 23

Серия «Booker Prize»

Hilary Mantel

THE ASSASSINATION OF MARGARET THATCHER

Перевод с английского *К.М. Королева*

Компьютерный дизайн *В.А. Воронина*

Печатается с разрешения автора и литературных агентств
AM Health & Co Ltd. и Andrew Nurnberg.

Мантел, Хилари.

М 23 Убийство Маргарет Тэтчер : [сборник рассказов] / Хилари Мантел ; [пер. с англ. К. М. Королева]. — Москва : АСТ, 2015. — 224 с. — (Booker Prize).

ISBN 978-5-17-087084-4

Изысканные, элегантные, умные, брутальные, насмешливые, а порой и откровенно бунтарские современные притчи о любви и сексе, семье и обществе, вышедшие из-под пера писательницы, читаются легко и с наслаждением. Однако серьезность тем заставляет задумываться над ними надолго и возвращаться к ним не раз.

УДК 821.111-32
ББК 84(4Вел)-44

© Hilary Mantel, 2014

© Перевод. К.М. Королев, 2014

ISBN 978-5-17-087084-4

© Издание на русском языке AST Publishers, 2015

*Посвящается Биллу Гамильтону,
обитателю улицы Вильгельма IV, —
тридцать лет спустя с благодарностью*

СОДЕРЖАНИЕ

Простите за беспокойство	9
Запятая	44
Длинный интервал	65
Зимние каникулы	73
Харли-стрит	83
Личная обида	108
Как я вас узнаю?	123
Сердце не выдержало	156
Конечный пункт	177
Убийство Маргарет Тэтчер: 6 августа 1983 года	186
Публикации	223

ПРОСТИТЕ ЗА БЕСПОКОЙСТВО

В те дни в дверь звонили нечасто — а если и звонили, я предпочитала прятаться в глубине квартиры. Только совсем уж настойчивый посетитель, не отпуская кнопки звонка, мог заставить меня просеменить по коврам к входной двери и припасть к глазку. Мы баррикадировались на совесть — засовы и щеколды, врезные замки и запоры, цепочки и забранные решетки окна высоко над землей... Этот гость оказался из упорных. В глазок я рассмотрела изможденного вида мужчину в мятом сером костюме с серебристым отливом. За тридцать, восточного типа. Он отступил от двери и теперь смотрел на крепко запертую дверь напротив; затем бросил взгляд на покрытую слоем пыли мраморную лестницу. Похлопал себя по карманам, достал скомканный носовой платок, провел куском ткани по лицу. Он выглядел настолько отчаявшимся, что я бы не удивилась, вытри он не пот, а слезы. Я открыла дверь.

Он мгновенно вскинул руки, как бы показывая, что безоружен, и платок колыхнулся, точно белый флаг.

— Мадам!

Должно быть, я смотрелась жутко бледной под лампой дневного света, что пятнала кафельные стены изломанными тенями. Но вот гость выдохнул, пошарил под мятым пиджаком, провел рукой по волосам — и извлек свою визитку.

— Мухаммад Иджаз. Импорт-экспорт. Мне, правда, очень неудобно вас беспокоить. Дело в том, что я совсем заблудился. Разрешите воспользоваться вашим телефоном?

Я посторонилась, пропуская его внутрь. И наверняка улыбнулась. Учítывая, что случилось потом, я просто обязана была улыбнуться, честное слово.

— Конечно. Если линия в порядке.

Я пошла вперед, показывая путь, и он последовал за мной, продолжая объяснять: какая-то важная сделка, которую он почти закрыл, пришлось лично отправляться к клиенту, а время — тут он поддернул рукав и взглянул на свой поддельный «Ролекс», — время на исходе; адрес записан — он снова похлопал себя по карманам, — но нужного офиса по этому адресу почему-то не нашлось. В трубку гость заговорил по-арабски, очень быстро, агрессивно, брови лезли

все выше. Наконец он недоверчиво покачал головой, положил трубку, печально посмотрел на телефон, затем покосился на меня с кислой улыбкой. «А губы у него какие-то безвольные», — подумалось мне. Еще чуть-чуть — и сойдет за симпатичного: костяк бы покрепче, цвет кожи побелее и успокоиться не помешало бы.

— Я ваш должник, мадам, — сказал он. — Теперь пора бежать, если позволите.

Предложить ему — что? Посетить удобства? Привести себя в надлежащий вид? Я растерялась, совершенно не представляя, как сформулировать приглашение. Нелепая фраза «попудрить носик» назойливо стучала в виски. Но он уже направился к двери — хотя по тому, как завершился телефонный разговор, я бы сочла, что там, куда он так спешил, его вряд ли с нетерпением ждут.

— Сумасшедший город, — сказал Иджаз. — Тут постоянно перекапывают улицы и переименовывают все подряд. Еще раз простите за вторжение.

В холле он снова огляделся и посмотрел на лестницу.

— Только англичане соглашаются помочь.

Он пересек холл и с усилием открыл наружную дверь за тяжелой чугунной решеткой; на миг замер, словно прислушиваясь к глухому рыку дорожного движения с Медина-роуд. Дверь по-

плыла обратно, гость исчез. Я притворила дверь как полагается и вновь очутилась в сплошной гнетущей тишине. Где-то вдалеке дребезжал кондиционер, будто родственник преклонных лет, мучимый старческим кашлем. Сильно пахло инсектицидами — порой я распыляла смесь из баллончика, пока бродила по дому, и запах окутывал меня густым туманом. Я снова взяла разговорник и включила магнитофон. Урок пятый: «Я живу в Джидде. Сегодня я занят. Да поможет вам Бог!»

Когда во второй половине дня вернулся домой муж, я сказала ему:

— Приходил какой-то бедняга. Заблудился. Пакистанец. Бизнесмен. Я впустила его позвонить.

Муж промолчал. Кондиционер всхрипнул — и умолк. Муж сходил в душ, предварительно разогнав тараканов. Вышел из ванной, весь мокрый и обнаженный, вытянулся на кровати и уставился в потолок. На следующее утро я выбросила визитку в мусорное ведро.

Днем в дверь снова позвонили. Иджаз вернулся — извиниться, объяснить, поблагодарить меня за доброту. Я налила ему растворимого кофе, и он уселся и начал рассказывать о себе.

Стоял июнь 1983 года. Я шесть месяцев провела в Саудовской Аравии. Мой муж работал на геолого-разведочную компанию из Торонто и от нее был прикомандирован к местному министерству минеральных ресурсов. Большинство его коллег проживали в семейных «компаундах» разного размера, но одиноким мужчинам и бездетным парам вроде нас приходилось довольствоваться тем, что дают. Это была вторая в нашей совместной жизни квартира. До нас ее занимал какой-то холостяк-американец, вынужденный спешно съехать. На втором этаже дома из четырех квартир жил саудовский чиновник с женой и ребенком; четвертая квартира пустовала, а на первом этаже, через холл от нас, обитал бухгалтер-пакистанец, помощник министра саудовского правительства, ведавший его личными финансами. Встречая местных женщин в холле или на лестнице — одна вечно ходила закутанной с ног до головы, другая носила чадру, — холостяк-американец, как рассказывали, сразу оживлялся и начинал кричать: «Привет!» Или может быть: «Привет, крошка!»

Никаких более серьезных дерзостей он себе не позволял. Но хватило и этого. На него подали жалобу, и он исчез, а мы с мужем заняли освободившуюся квартиру. По саудовским меркам квартира была небольшой. Бежевый ковер на

полу, почти белоснежные обои с тисненым едва различимым рисунком. Окна закрывались тяжелыми деревянными ставнями, которые опускались, если повернуть ручку на тыльной стороне рамы. Даже с поднятыми ставнями в квартире царил полумрак, и мне приходилось весь день пользоваться электрическим светом. Комнаты отделялись друг от друга двойными дверями темного дерева, тяжелыми, как крышка гроба. В общем, мы жили словно в похоронном бюро, в окружении образчиков этого печального ремесла — и в компании вредных насекомых, так и норовивших подпечься на лампах.

Он окончил бизнес-школу в Майами, сообщил Иджаз, и теперь занимался (это основной бизнес, как он подчеркнул) продажей бутилированной воды. Как прошло вчера со сделкой? Он уклонился от прямого ответа — очевидно, все сложно. Махнул рукой — мол, дайте время, только дайте время.

У меня пока не появилось друзей в этом городе. Социальная жизнь, какова бы она ни была, сводилась к частным визитам; никаких кинозалов, театров или лекций. Да, имелись спортивные площадки, но женщины туда не допускались. И «смешанные собрания» тоже не допускались.

Саудовцы не желали общаться с иностранными работниками сверх необходимого. Они смотрели на тех свысока, как на неизбежное зло, при этом белокожие, говорящие по-английски экспаты удостаивались, пожалуй, самого радушно-го отношения из возможных. Прочие — Иджаз, например, — считались «уроженцами стран третьего мира», и этот ярлык обрекал их на всякого рода грубости, оскорбления и бытовые осложнения. Индийцы и пакистанцы работали в магазинах и в малом бизнесе. Филиппинцы трудились на стройках. Тайцы подметали улицы. Бородатые йеменцы сидели на тротуарах перед закрытыми лавками — полы длинных рубах задраны, волосатые ноги вытянуты, шлепанцы торчат в паре дюймов от пролетающих мимо машин.

«Я женат, — сказал Иджаз, — притом на американке; надо вас познакомить с моей женой. Может быть — прибавил он, — может быть, вы как-то ей поможете — ну, вы понимаете...» Значит, мне грозит типичная для Джидды ситуация, обязателька семейного визита. Женщины здесь не могут раскатывать по городу самостоятельно, им не выдают водительских прав, а нанять водителя позволяют себе только богачи. И потому, если планируешь визит, вынуждена сразу планировать его как семейный. Я сомневалась, что Иджаз и мой муж подружатся. Слишком уж беспокойно